

выведеть ее из города и обратить на нужды села, нужды не искусственные, а действительныя; такая наука, такое знаніе не только не будет отвлекать сельскихъ жителей отъ ихъ занятій, не будетъ обращать ихъ въ горожанъ, но и нужно надѣяться, что такое знаніе самихъ горожанъ привлечетъ въ села, сдѣлаетъ сельскими жителями, и мы искупимъ тогда наше преступленіе, въ которомъ обвиняетъ насъ въ своей книгѣ Родіоновъ. Другого пути къ искупленію этого преступленія нѣтъ и быть не можетъ: нужно измѣнить направленіе самого знанія, науки, сдѣлавъ органомъ науки не отдѣльныхъ лицъ, выдѣлившихся изъ народа въ особое сословіе, образовавшихъ изъ себя особую, можно сказать, породу людей, нужно сдѣлать органомъ науки организованную силу, именно войско, т. е. всѣ народы при всеобщезобязательной воинской повинности. Начало такому измѣненію направленія науки и самой жизни могутъ положить только военачальники, а потому на нихъ главнымъ образомъ и лежитъ отвѣтственность за то состояніе нашего народа, которое описано въ книгѣ Родіонова «Наше преступленіе». Усилія отдѣльныхъ лицъ, не стоящихъ во главѣ воинскихъ командъ не могутъ имѣть въ этомъ случаѣ большаго значенія. Скажу о себѣ,—я всегда чувствовалъ свою вину передъ народомъ, свой долгъ народу, на счетъ котораго прожилъ всю жизнь свою, живу и до сихъ поръ, и вотъ, чтобы хоть отчасти заплатить этотъ долгъ свой, я открылъ школу. Считая недозволительнымъ, преступнымъ отвлекать дѣтей отъ ихъ родителей, я сталъ учить дѣтей грамотѣ по часослову, книгѣ священной, сталъ учить тому, что и родители учащихся считаютъ самымъ важнымъ, самымъ существеннымъ для человѣка; при школѣ былъ огородъ, на которомъ я при участіи учениковъ произвелъ посѣвъ употребительнѣйшихъ въ нашей мѣстности злаковъ по способу Демчинскаго, была устроена и метеорологическая станція, наблюденія на которой производятся также при участіи учениковъ. Но, къ несчастью, во второй половинѣ мая я заболѣлъ, замѣнить меня было некому, ученики разошлись, и я могъ собрать ихъ лишь въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда начинаются обыкновенно занятія во всѣхъ сельскихъ школахъ. Огородъ при школѣ оказался потравленнымъ и отъ посѣва по способу Демчинскаго ничего не осталось. Намѣреніе мое продолжать занятія съ учениками и лѣтомъ, —ботанизировать, собирать насѣкомыхъ, минералы, ввести учениковъ въ изученіе мѣстности такъ, чтобы открытая мною школа служила не для обученія только, но и для расширенія самого знанія, —осуществиться не могло. Съ осени школа превратилась въ обыкновенную школу грамоты, гдѣ учатъ читать, писать, считать съ тою лишь разницею отъ другихъ школъ, что читаемъ мы по часослову, пишемъ молитвы и церковныя пѣнопѣнія, тропари, кондаки и т. п., составляемъ для каждаго ученика и поминанія; стараюсь развить ихъ въ исторію семьи, члены которой занесены въ поминанье, производимъ кромѣ того и метеорологическія наблюденія... Большее мнѣ и не посылаю, потому что я не могу всего себя посвятить школѣ, я могу отдать школѣ только время, остающееся отъ моей службы, дающей средства къ существованію мнѣ и моей семьѣ. Устраивая школу, я зналъ, конечно, что не въ силахъ буду вести ее на такихъ широкихъ началахъ, какъ хотѣлось бы, но я надѣялся, что найдутся соотрудники,—сотрудниковъ од-